
Марина СОЛОВЬЕВА

НОЧНАЯ ДОРОГА НА ЮЖНУЮ КАРОЛИНУ

Рассказ

Кате Московской

— Приезжайте к нам на океан! Отдохнуть... Нет, я серьезно приглашаю, без дураков. Прямо сейчас собирайтесь и приезжайте. Запиши дирекшенс... Виталик, ну иди же сюда, продиктуй, как доехать...

Ксенино предложение было заманчиво и неожиданно. Оно прозвучало, как в сказке — именно в тот самый миг, когда я, в разгар лета, на неделю оставшись без работы, с грустью поняла: а отдыхать-то нам негде. Разумеется, с точки зрения моих соотечественников, москвичей и ленинградцев, мы уже жили в раю. На юге. На жарком американском юге, *где в нос тебе магнолия, а в глаз тебе глициния...* Под моим окном цвел розовый куст и пел соловей. Возле заборчика адели азалии. Через двор был бассейн, вернее, целых три. Лягушатник для малышей, очень глубокий для любителей экстремала, и обычный — для тех, кто просто хочет пожить в свое удовольствие. Эти система бассейнов была моей гордостью и приманкой для гостей. «Приезжайте ко мне в гости и захватите купальники, у нас дома потрясающий бассейн». Приманка срабатывала. Мои подруги, имеющие собственные дома, но не имеющие бассейна, лежа на шезлонгах вокруг маленького голубого оазиса, шептали: какой *фан* ты нам устроила! В будни, кроме нас и спасателей, у бассейнов никого не было. Спасателей работало трое: юная латиноамериканская красотка и два полуголых аполлона — один белый, другой черный — два веселых и мокрых гуся, лениво за ней приударяющих. «Хороша работка, — обычно перебрасывались мы, поглядывая на них, — жалко, мы по возрасту сюда не проходим...»

Весь этот азалио-розовый бассейновый рай обходился мне в сумасшедшие деньги — больше половины зарплаты. Виргиния была дорогим штатом. В месте, где мы жили, были лучшие на юге школы, двадцать минут по шоссе до моего университета в центре Вашингтона, а в тридцати минутах от моего дома находился Даллас-аэропорт. Эти минуты в пересчете на мили... Хотя скоростные шоссе и автомобили, столь необходимые для жизни в Виргинии, как ботинки для прогулок по городу, приближали

Марина Павловна Соловьева — поэт, прозаик, литературовед. Родилась в Москве. Окончила филологической факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Публиковалась в журналах «Наш современник» (стихи), «Юность» («Холодная молодость» — проза). Печаталась в журналах: «Молодая гвардия», «Огонек», «Даугава» (Рига), «Вопросы литературы», «Альманах Ъ», «Новый журнал» (Нью-Йорк) «Памятные книжные даты» (Москва), «Номо legends» (Москва), «Нева» (Санкт-Петербург) и др. Автор шести книг поэзии и трех книг прозы. Живет в Москве.

НЕВА 9'2019

все пункты назначения к моему дому подобно биноклю. А ведь в пересчете на русские масштабы я жила в каких-нибудь Мытищах, работала в Москве на Петровке и подрабатывала в Домодедове.

Так вот этот американский комфорт, влажная жара, ленивая служба из латиносов, лед в апельсиновом соке, бесплатный (то есть входящий в квартплату) фитнес-клуб в белом домике за бассейнами вполне могли сойти за дом отдыха. Но только не для нас, проживающих здесь год за годом. К тому же, как ни крути, это был обыкновенный город. Выехав за ворота нашего поселка *Бедфорд-Виллидж* с его маленькими домиками, примыкающими один к другому и образующими круглые дворики — патио, ты мгновенно попадаешь в мир дорог и развязок, выездов — так называемых *экзитов* и трасс, именуемых *рутами*, *веями* и бульварами. И хотя я обожала рулить и помнила все пути-дороги не головой, а руками, крутящими руль, возвращаясь вечером домой, я чувствовала такую усталость, словно свой рабочий день провела в седле, как заправский ковбой или колонист. Моя работа была завязана на этих развязках. Утром — Вашингтонский университет, днем и вечером — Даллас-аэропорт. Там я встречала новых русских туристов — тех, кто купил пакет услуг русско-американских туристических фирм и хотел оттянуться в Америке, но по-нашему, по-русски. Как правило, это были избалованные жены, сорившие деньгами своих мужей или любовников, подозрительные личности, пристающие ко мне уже от самолета, удивляясь, почему за рулем баба, а не мужик; участники липовых симпозиумов, интересующихся только ночными клубами и стриптизами; а также мелкие члены провинциальных правительств и депутатств, требующие соблюдения какого-то немыслимого по американским понятиям *протокола*: аренду спутникового телефона и черного «роллс-ройса» последнего года выпуска с мужчиной-шофером, только обязательно в черном костюме, и, разумеется, лучшего отеля в городе. Все это, разумеется, как я совершенно справедливо предполагала, заказывалось не на свои кровные денежки, а на деньги бедных русских избирателей, пославших *слуг народа* в Америку за кредитами. Я устраивала своих подопечных в гостиницы, вела переговоры с обслуживающим персоналом, потому что большинство моих соотечественников не знали языка (к тому же, за редким исключением, никогда не давали чаевых), рассказывала о достопримечательностях Вашингтона, возила по магазинам и благополучно возвращала обратно в аэропорт — лететь в Нью-Йорк или в Атланту.

За все это я имела хорошие, честно заработанные деньги. Но даже работая на двух работах, я не могла ничего отложить на поездку к океану. Все мои заработки полностью уходили на эту красивую жизнь возле бассейна, капризы детей, страховку и кредит за машину, лучшую школу в Виргинии, а заодно и на всем восточном побережье. А также на мою ежедневную элегантность, без которой меня бы не приглашали на местные великосветские тусовки и на мелкие подработки преподавателем русского языка в престижных частных школах для дипломатов, военных, шпионов и богатых полиглотов. А именно эти связи могли дать мне шанс устроиться рано или поздно на постоянную работу. И наконец-то получить хороший и стабильный заработок, дающий возможность отдыхать с детьми на океане.

В России, где по-прежнему любят и жалеют убогих, для достижения своих животрепещущих интересов нужно иметь пришибленный вид, плохо выглядеть и жалостливо рассказывать про свои болезни и невзгоды. В Америке от таких людей шарахались, как от чумы. Тебе не везет? Значит, ты не *лаки*, то есть несчастливый и, возможно, не только не приносящий никому счастье, но несущий за собой всякие неприятности другим. Нет денег? Значит, не хочешь или не умеешь работать, а может быть, не дай бог, пьешь или колешься. Муж плохой? А почему ты не разводишься и не отсуживаешь детей и все его деньги? С детьми не справляешься? Тогда отдай их на воспитание в хо-

рошую и богатую семью, а сама начни новую жизнь, в которой тебе, может быть, наконец-то повезет. Русские стенания ради стенания здесь были не приняты, и на все ваши жалобы и вечный русский вопрос «Что делать?» давались вот такие суровые протестантские ответы. А на другой русский вопрос «Кто виноват?» ответ был только один: ты сам или ты сама...

Ницшеанское руководство «Падающего толкни» было здесь основополагающим. Но при всей на первый взгляд чудовищности оно давало прекрасные плоды. Одним из таких плодов вырела я. Всегда жизнерадостная, с незаметным, но обязательным *мейкапом*, с чистыми, ежедневно вымытыми волосами, с безукоризненно подобранными украшениями и элегантной сумочкой. С улыбкой и готовностью ко всему, что мне предлагают, если, конечно, это не противоречит биллю о правах и моей личной безопасности, я выходила на американскую тропу войны за выживание. Я минута в минуту прибывала на службу и с маниакальной добросовестностью ее выполняла — будь то мытье окон или чтение лекций. Все в округе должны были знать, что я идеальная мать и мои дети счастливы со мной. Когда меня не было дома, за детьми присматривала няня, поихнему — *бэби-ситтер*. Оставлять детей до двенадцати лет без присмотра по законам штата Виргиния каралось сначала штрафом, потом тюремным заключением и, наконец, лишением родительских прав. Это была еще одна статья моих расходов, и я не могла дожидаться, когда моему старшему сыну Эндрю исполнится четырнадцать лет. (Четырнадцатилетний ребенок мог сам стать *бэби-ситтером* за три-пять долларов в час.) Я регулярно ездила на родительские собрания в школу и была членом Добровольного совета по организации помощи в адаптации русским детям, усыновленными американскими родителями. Я входила в Сестричество Русской православной церкви города Вашингтона, и это было гарантией моей добропорядочности. К тому же я могла рассчитывать на русскую няню, которая брала меньше денег, чем американская. У меня всегда было наготове идеальное *резюме*, напечатанное на дорогой бумаге и безукоризненные визитные карточки. А также обязательный счет в банке, время от времени ошарашивающий меня минусовым балансом. И еще когда я шла на очередное интервью-собеседование, то на мне всегда были надеты чулки и пиджак, несмотря на сорокаградусную жару по Цельсию, которую я в отличие от миль так и не научилась понимать по шкале Фаренгейта.

К русским, живущим в Америке, я относилась с осторожностью, так как никогда нельзя было предугадать, во что может вылиться новое знакомство с бывшими соотечественниками.

Очаровательная старушка — божий одуванчик, сидящая у свечного ящика в церкви, могла запросто оказаться бывшей переводчицей киевского гестапо. Волоокий мужчина с поэтическими кудрями, галантно приглашающий тебя на ленч, — отставным полковником израильской армии и крупным специалистом по ликвидации опасных объектов, а заодно и субъектов. Чернокожий рэпер, лениво поплевывающий на тротуар с паперти нашей церкви, — внуком княгини Трубецкой. А словоохотливая хозяйка русского магазина — продавшимся агентом КГБ, сбежавшей с американским любовником, который кинул ее через два года по согласованию с определившим его на это секретное задание отделом ЦРУ. Ведь именно за два года выясняется полная некомпетентность наших перебежчиков и их реальное место в советской разведке. А также обилие вредных привычек, несовместимых с дальнейшим пребыванием на службе в ЦРУ, которое мы, пожившие в Америке больше двух лет, уже называли си-а-эй. Горе-агентов отпускали на все четыре стороны, причем в прямом смысле, так как их дальнейшая жизнь складывалась именно по четырем направлениям: продавшиеся шпионы из КГБ просились обратно на родину, спивались, кончали жизнь самоубийством

или полностью растворялись в американском социуме, предварительно написав книгу о своей тяжелой жизни.

Но это все так, цветочки, посмеялись и забыли. Самым опасным в жизни нового русского американца была возможность нарваться на откровенных *юзеров*. Это было удачное русское новообразование от английского глагола use, что означало — *использовать*.

Обычно *юзеры* формировались из вновь прибывших. Они могли сесть тебе на хвост, то есть в твою машину, и уже из нее не вылезать. Ты, непонятно как, делалась бесплатным шофером, которому каждый день звонили и жалобно умоляли отвезти в тысячу мест. Негласный кодекс русских самаритян гласил: бесплатно можно отвезти только в церковь, к доктору и юристу. Или на сдачу экзаменов на водительские права с заездом в автосалон. Самые коварные *юзеры* могли попроситься *совсем недолго* пожить в твоей квартире — это могло затянуться на долгие годы. Нужна была твердость. Например, временно живя у тебя, постояльцы не должны задерживаться дольше двух недель. Став несколько раз жертвой подобных *юзеров*, я научилась твердости в произнесении слова «нет». И даже сочинила стихотворение: «Кто говорить умеет „нет“, тот завоюет Новый Свет!»

Но как-то раз, кайфуя у бассейна с моей новой подругой — художницей и журналисткой Ксенией Хованской, очутившейся в Вашингтоне по весьма прозаичной причине: ее мужа послали на работу в посольстве, — я поведала ей эти «*невидимые миру слезы*» моей красивой жизни. Сама не знаю, что на меня нашло.

Правда, Ксения Хованская не внушала опасений. Она покорила мое сердце ухоженной красотой в стиле «лучшие годы Элизабет Тейлор» и безукоризненным вкусом художницы. Ее женственность я бы назвала «интеллигентной гламурностью». Несоединимость двух понятий именно в Ксении очень органично соединялась, составляя восхищавший меня шик. Ее единственным недостатком была многоречивость. Она любила говорить о себе, рассказывать о своих мужьях и любовниках, с подкупающей легкостью разбалтывая семейные секреты. Но все это она рассказывала так интересно, остроумно и забавно парадоксально, что этот недостаток ей тут же прощался. При этом она не утомляла, а, наоборот, поднимала настроение. Я начинала сразу думать, что мои проблемы — это семечки. А вот Ксению послушаешь — чего только не бывает в жизни, а ей все нипочем! Вот с кого надо брать пример!

Ксенин неожиданный звонок, заставший меня врасплох, совершенно изменил мое представление о ней как о талантливой, но избалованной богемной даме. Оказывается, она запомнила все, что я рассказывала о себе. И совершила удивительный по щедрости поступок — пригласила меня с двумя детьми отдохнуть на океанский курорт Дакк, где они с мужем и взрослым сыном сняли дом и могли наслаждаться жизнью, не обременяя себя чужими проблемами.

Предложение было принято, дорожные директивы подробнейшим образом записаны. А выезжать было решено сегодня же, чтобы не терять драгоценного свободного времени. На часах было четыре часа дня. Дом Ксении в Южной Каролине был в восьми часах быстрой езды со скоростью шестьдесят миль в час. Ночная дорога меня не пугала — я любила ездить по ночам. Правда, еще ни разу я не ехала целую ночь. Но надо же когда-то начать. И начать решено было сегодня.

Сбор вещей и изучение карты заняли около часа. На автоответчике было переписано обращение ко всем звонившим: на двух языках предлагалось подождать до нашего возвращения.

На часах было около шести, запад предательски алел, и скоро должна была наступить крошечная южная тьма. Но еще два часа мы могли ехать при свете, и за эти два часа надо было проехать важную часть пути и выехать на 95-ю дорогу, идущую че-

рез всю страну с севера на юг. Мы были в шортах и майках. На дворе — конец июня. Стояла жара, прoderнутая волнами кондиционерного ледяного потока из домов и учреждений, как студень бывает прoderнут волокнами мяса, вкус которого навеки изменен желатином. Жара американского юга и была этим горячим желатином, влажным и сдавливающим тебя, как подушка душегуба. А теперь прыжок: из кондиционера комнаты в омут и гибель двора, вздох, ожог, помираю! Смертельная пробежка, и ты уже в машине, спасительный поворот ключа, мотор! Долгожданная струя холода начинает зарождаться в недрах двигателя. Можно дышать! Можно ехать! Спасены!

Дорога! Сколько прелести в этом слове! Как не вспомнить Николая Васильевича Гоголя с его страстью к перемене мест! Но не в смене декораций заключалась моя радость. Радость была в самом движении при твоей неподвижности, в уюте замкнутого пространства при грандиозном размахе горизонта, в полном отсутствии суеты при неустанной работе подвластных тебе механизмов.

Американская дорога была особенно упоительна. Лететь прямо, по ровной поверхности среди зеленого моря гигантских деревьев, холмов и полей с расставленными на них пазелами — озерками и кукольными домиками, сказочными протестантскими церквями, под светящимися зелеными щитами с названиями дорог и номерами выездов к маленьким городкам! Лететь, не снижая скорости, слушая музыку, жуя бутерброды и яблоки, отхлебывая из бумажного стаканчика холодное питье, разумеется, очень вредное, но вкусное — например, пепси-колу или «Seven up», окрещенную русскими работягами из посольства — «семь Ир».

Въехав на 95-е шоссе, все угомонились — ближайшие двести миль дорога обещала быть неизменной. Оставлены на время домашние скандальные сюжеты, а именно: «А все-таки, Эндрю, у кого ты был, когда я тебя искала по городу в три часа ночи? И что за говно вы пили... нюхали... жрали... если тебя потом рвало остаток ночи?.. А когда наш Майкл научится сам переодеваться? А заодно и кончит свое нытье?»

Теперь в машине можно было дружно и беззлобно рассуждать о прелестях отдыха у моря. Старший четырнадцатилетний сын Эндрю, тот самый, что *жрал говно*, пообещал поймать мамочке на память экзотическую рыбку, пятилетний младший хранил блаженное молчание, хотя и время от времени для порядка клянча свои «три Пэ»: *поесть, попить, пописать*... Для этого требовалась остановка, то есть съезд в ближайший рукав — *экзит*, украшенный логотипом какой-нибудь забегаловки. Еще миль двадцать выбирали место осуществления *трех Пэ*: «Мак-Дональдс» надоел, «Тако Белл» не любил Майкл, «Кентаки Чиккенс» ненавидел Эндрю, от пиццы я могла растолстеть, идеальный вариант: любой китайский ресторан, дешевый, с огромными порциями, которые в недоодедном виде можно и даже нужно было забрать с собой. Мне-то съезжать не хотелось, хотелось быстрее добраться до места, пока еще помнился маршрут, и в голове от желания спать не путались мысли. Но стенания малыша становились с меньшими паузами, а старший все чаще врубал свои рок-каналы, которые я время от времени перебивала своими любимыми каналами классической музыки. Их было всего два, каналов сына гораздо больше. «Давай так — полчаса моя музыка. Потом полчаса твоя, но тихо...» Скоро эти полчаса стали моей пыткой, сын еще увлекался и рэпом, короче, остановка была просто необходима. Мы съехали в один *экзит*, потом завернули в другой, нашли маленький ресторанчик — не китайский, а какой-то интернациональный. Уже сидя за столом, я поняла, что устала — мы пятый час были в дороге. Закупив три бутылочки холодного кофе и пару баночек кока-колы (в ней есть кофеин!), вышли на воздух, вернее, то, что можно назвать воздухом. После кондиционерного выдувания из всех щелей мы уперлись в темноту без прохлады, пахнущую, как пахнет ванная комната после мытья какого-нибудь восточного многочисленного семейства,

цветочным шампунем с последующей протиркой их упитанных тел кремами, лосьонами и одеколоном. Ночь тяжело благоухала и наваливалась всей своей тяжелой и благоухающей темнотой на нас, одиноких искателей приключений. Небо было высоко, и звезды, хотя и яркие, не могли осветить наш путь по необъятным субтропикам Северной Каролины, плавно переходящей в Южную. И только щиты с надписями холодно блистали над дорогой, мерцающей перед нами. Это была обычная городская улица, под обычным названием Мейн-стрит, но два ее конца вплетались в Великую Американскую дорогу, опоясывающую всю страну. «Ладно, с Богом, едем дальше...» — сказала я, как обычно говорила, садясь за руль. По вялому протесту старшего из-за «Вальса цветов» в радиоприемнике и отсутствию звуков от младшего я поняла, что дети устали и хотят спать. С одной стороны, это было хорошо: закончится скулеж из-за трех Пэ, я могу весь оставшийся путь наслаждаться Чайковским, Дворжаком, Григом, Рахманиновым, «Полетом Валькирий» и «Шабашем ведьм на Лысой горе» — обычным излюбленным репертуаром американских классических радиоканалов. В России я не любила Чайковского — он казался мне неестественно слащавым на фоне суровой русской жизни. В Америке я его стала обожать — он вселял надежду на счастье и на какое-то время выключал меня из непрерывного марафона на выживание, переноса куда-то, чему не было названия. Туда, наверное, где мы все должны были отдохнуть, если верить героям чеховских пьес. Кстати, Чехова в Америке тоже все обожали, особенно пьесы. Слова же «В Москву, в Москву» звучали в наших устах так же несбыточно, как и в устах трех сестер...

Но вернемся в действительность, к ночной дороге на Южную Каролину... Сон детей, кроме приятной тишины, был еще этой тишиной и опасен. Ровная дорога располагала к необратимой возможности заснуть за рулем. Кроме того, появилась еще одна опасность. Ночью по американским дорогам действительно ехало мало машин... легковых машин.

Наступало время дальнобойных трейлеров. А теперь представьте себе железнодорожный состав, сошедший с рельсов и несущийся по полосе дороги рядом с вами, причем одни справа, другой слева. Эти составы-трейлеры летели с огромной скоростью, перестраивались с полосы на полосу, обгоняли, подсекали и неожиданно исчезали, не давая сигналов. В этот момент я поняла свою ошибку: ехать надо было с утра. Сразу в голове пролетело воспоминание о страшной гибели одной нашей прихожанки, чья машина столкнулась с трейлером в такой же ночи... Шептались: у нее напрочь снесло голову... Ужас... Спаси и сохрани, Господи! Я зажгла свет в салоне и взглянула на листок с описанием пути. Через две мили надо съехать на 105-ю дорогу, потом пятьдесят миль и съезд на... Но не надо забивать голову. Ищем 105-ю. Осушив бутылочку холодного кофе и почувствовав легкий прилив сил, я понеслась к новому повороту. 105-я оказалась гораздо уже 95-й, и трейлеров там было меньше. Проехав пятьдесят миль, я никакого съезда не обнаружила. Кофе кончился, кока-колы осталось полбутылки. И еще кончился бензин. Нужна была остановка. Я съехала в первый же *экзит*, в надежде разобраться во всем на заправке.

Через минуту я была в маленьком пустынном городке. Часы показывали полночь. Город был погружен в сон и тьму. Это была глухая провинция. И как все провинциалы, местные жители рано ложились спать.

Я очень люблю провинциальные городки: и русские, и американские. В них есть тайна. Волнующая тайна чужой жизни.

Часто, приезжая в такой городок, тихий и трогательный своей незаметностью, я представляла себе эту неторопливую жизнь, полную знакомых людей и маршрутов. И меня каждый раз посещала шальная мысль остаться навсегда в этой глуши. Поменять

имя. Устроиться работать учительницей или библиотекарем. И зажить тихо и благо-
чинно с милым мужем и детьми. Но моя фантазия не могла насытиться этой идилли-
ей, и я тут же быстро представляла дальнейшее свое пребывание в российской глубинке:
создание местного телевидения, центра помощи сиротам, инвалидам и заключен-
ным, комитета по борьбе с местной коррупцией; пикеты и демонстрации феминисток,
организация приезда артистов Художественного театра в местный клуб, забастовку
обманутых избирателей... Короче, мой холодный труп должен был всплыть где-то
в низовьях местной речки, или я с оглушительным треском уезжала в Москву... в Мос-
кву... Теперь такая же благая мысль начинала одолевать меня в американской про-
винции: простая и здоровая работа на ферме, шитье и вышивание декоративных поду-
шек на продажу... Хотя, если подумать, я и так жила в американской провинции. Прав-
да, без мужа и без денег. Но для покупки фермы эти два компонента были обязательны.
А подушки я мастерила, когда уж мне совсем было плохо — вместо таблеток. По ка-
ждой из моих подушечек можно было сосчитать все тяжелые часы и дни моей жизни:
три большие подушки — *развод*. Подушка поменьше — *сын прогуливает школу*. Ма-
ленькая думочка — *жду результата анализа*... Ну, и так далее...

Все эти мысли мгновенно прокрутились в моей полусонной голове. А городишко был
просто прелесть! Домики радовали своей непохожестью, фонарики горели, совершенно
как на иллюстрации к адаптированным для детского издания сказкам братьев Grimm.
Несмотря на поздний час и отсутствие персонала, бензоколонка, или, как русские тут
ее называли, *газолинка*, работала. Обслужить себя я смогла, засунув банковскую кар-
точку в счетчик, а воду купив в автомате.

«Город принцессы Шиповничек», — подумала я, оглядывая пустынную улицу.
Мысль о дальнейшем продвижении пугала. Кажется, мы заблудились. Звонить Ксе-
нии среди ночи и спрашивать дорогу было неудобно. Я медленно выехала на главную
улицу в надежде на какой-нибудь местный отельчик. Город заканчивался. Впереди
было чистое поле. Оставалась последняя надежда на полицию. Мы уснем в машине, нас
заметит патруль и покажет дорогу. Но вдруг в чистом поле вспыхнули огни и зазвуча-
ла тихая музыка. Справа от дороги в низине я увидела большой деревянный дом,
сверкающий огнями. Возле дома припаркованы машины — старомодные, как и по-
лагается в провинции. Крыльцо дома обвито лентами и цветами. А над крыльцом —
о счастье! — надпись: «Отель „Прекрасная Эмили“». Судя по музыке, там что-то празд-
новали. Это могло быть знаком отсутствия свободных номеров, но я все равно обрадо-
валась: темнота и безмолвие стали меня угнетать.

Взойдя на этот маленький островок обетования, я застала там веселье в полном раз-
гаре. Дребезжало старенькое пианино, звенела гитара. А в углу из динамика сентимен-
тально пел, кажется, Фрэнк Синатра. Раскрасневшаяся девица за стойкой то ли ба-
ра, то ли конторки радостно обратилась ко мне с вопросом: «Чем я вам могу помочь?»
Я попросила один номер с двумя кроватями. Она счастливо хихикнула и вручили мне
ключ с цифрой один.

— Свадьбу празднуем. Вы не беспокойтесь. Скоро все кончится. А вы не могли бы
сейчас расплатиться, если рано уедете? Утром вставать неохота.

Девица была явно навеселе. Я выгрузила вещи и детей. Номер был похож на обыч-
ную комнату для гостей в каком-нибудь американском доме средней зажиточности.
Отельчик наверняка тоже был семейный. Посетителей в этой глуши немного. Вот
и устраивают поздние банкеты. А может, это их родственники. Дети отрубились во
второй раз уже намертво. Я собралась в душ, но тут в дверь постучали. На пороге
стояли та же поддатая девица из офиса-бара и мужик с галстуком-бабочкой.

Мужик был лет около сорока пяти или чуть больше. В меру расплывший, в меру
ухоженный и в меру раскрасневшийся от выпитого пива, он лучезарно по-американ-

ски улыбался, но какая-то хитринка в этой улыбочке все-таки была. Из чего я сделала вывод о его ирландских или польских корнях. Так и оказалось, потому что звали его Майкл О'Нил. Девушка представилась как Кэфи. Суеверная на имена, я сразу усмотрела в этом хорошее предзнаменование. Кэфи звали мою университетскую начальницу и покровительницу. Мужчина, оказавшийся тезкой моего младшего сына, автоматически вошел в обойму людей, внушающих мне доверие. Его фамилия, совпадающая с фамилией знаменитого американского драматурга, настроила меня на романтический лад.

— Леди... э... *Морына?* *O, yes, nice...* Мы хотели бы пригласить вас разделить наш праздник... Мы люди простые, и нам будет очень приятно... Если вы пропустите с нами рюмочку за здоровье молодых... Вы не думайте, тут даже есть полицейский, он мой кузен... Мы люди простые...

По выговору он и вправду был незамысловат, хотя и не простачок. Наверно, у него какой-нибудь магазинчик или служит в местной управе... Судя по некоторым запинкам и тяге к определенным частям моего тела, румянец мистера О'Нила разгорелся не только от пива. Пару виски он наверняка тоже пропустил за здоровье молодых... Кэфи время от времени осуждающе следила взглядом за движениями рук мистера О'Нила, пытающегося поправить между делом складки топики на моей груди и бретельки на моих плечах, но тут же спохватывалась и вскидывала на меня жизнерадостную улыбку — опознавательный знак всей сферы обслуживания. Я решила уважить гостеприимных провинциалов, да и спать мне расхотелось. Весело *отфеньюкав*, я прикрыла дверь и быстро переделалась в шелковый сарафан легкомысленного фасона «нам скрывать нечего» и босоножки на шпильках.

Мое появление на лестнице, ведущей в зал местного торжества, было встречено радостным улюлюканьем подвыпивших гостей. На секунду я засомневалась в своем опрометчивом согласии разделить общую радость. Гости давно перемешались, и молодых было не разглядеть. Ко мне тут же подскочил мистер О'Нил. Я заметила, что хоть он и был в «бабочке», но молния на брюках у него уже растянулась до середины застежки. «*Dance! Данс!*» — кричал он. В моих ушах вдруг обрушилась перегородка, разделяющая русскую и английскую речь, и я явственно услышала: «Танцы, танцы...», а может быть: «Вальс! Вальс!» Мистер Майкл сразу догадался, что я иностранка, а в его представлении все европейские женщины танцевали вальс и пили шампанское. Крутя меня под задорную музыку, он требовал от всех шампанское. Гости начали рыскать по стойке бара, и шампанское было найдено. Кэфи важно поднесла мне его на подносе. Я, повинувшись странной инерции человека, затянутого в воронку ненужных событий, залпом осушила бокал. Странная жидкость с легким запахом туалетной воды пронеслась по моему горлу и пищеводу, не оставляя следов. Словно я осушила бокал влажного воздуха. Но в голове почему-то зашумело, и тотчас стало все нипочем.

Неожиданно мистер О'Нил сменился каким-то неразговорчивым ковбоем в шляпе, а вальс медленным танцем. Жители этого городка явно тяготели к ретро пятидесятых, если не тридцатых годов.

— Вы из Швеции? — поинтересовался ковбой, заметив, что бывал там во время войны.

Я пыталась выяснить, какую войну он имел в виду, а он удивлялся моей непонятливости. Вместо того чтобы согласиться с ним, я назвалась, кем и была, — «рашин, мо-скоу». Каждый раз произнося это, я внутренне содрогалась, ожидая взрыва определенных эмоций. Эмоции последовали. И характер их предвидеть было нетрудно. «*O, Russian... водка... Где водка? Рашин девушка хочет рашин водка!*» Я пыталась сказать что-то о традиционно непьющих русских женщинах, но меня никто не слушал. Тут же подбежали, видимо оторвавшись от глубокого интима, молодые. Он — высокий

и широкоплечий с соломенной россыпью мелких кудрей, она тоже с золотой россыпью, но веснушек на розовом носике и черным тонким пробором, разделяющим волнистые волосы молочного цвета. Молодые совали мне в руки красивый пригласительный билет и требовали автограф, обязательно русскими буквами. Кэфи уже несла на подносе финскую водку, лед и карандаш. Я лихо выпила рюмку водки. Занюхала ее карандашом. Мне зааплодировали. Этим же карандашом я написала на весу: «Желаю счастья! Русская Марина». Исторический билет пошел по рукам. Вдруг шум праздника явственно перекрыл звук подъезжающей машины. Обычно американские машины ездят бесшумно. Но этот звук был слишком нарочитый и от этого злоедей. Все сразу притихли, музыка смолкла. Кэфи вышла на крыльцо. Через секунду она вернулась бледная и испуганная. «Это Томас! — сказала она. — Он вернулся...» Молодая вскрикнула. Мистер О'Нил, миглом посеревший, быстро взял меня под локоть и потащил наверх. «Мэм, вечеринка окончилась... Извините...» Я еле передвигала ногами, перед моими глазами все плыло — рюмка водки после бокала шампанского всегда была моей роковой дозой. В свой номер я вошла в состоянии анабиоза и, упав на кровать, завертелась в разноцветных бликах...

Очнулась я ранним утром за рулем машины. Перед ее капотом высились желто-зеленые кукурузные початки. Пели птицы, бабочки плавно садились на переднее стекло. На заднем сиденье сопели спящие сыновья. Я взглянула на часы. Было пять утра. Я опустила боковое стекло. Прохлада тотчас устремилась в машину. Запахи утра выдули тяжесть закупоренного и замусоренного салона. Старший сын потянулся и спросил: «А где океан?» Действительно, где? Я тупо вырулила на шоссе. Оглянулась. Полуразвалившийся дом на лужайке не имел ничего общего с «Прекрасной Эмили». Я испуганно дернулась к сумочке с деньгами и документами. Все было на месте. Сразу же на шоссе появился первый опознавательный знак. Оказалось — съезд на последнюю дорогу, ведущую к океану, будет через пять миль.

Через час мы уже неслись по шоссе, обгоняя таких же искателей океанской шири. На крышах машин высились лодки, из окон высовывались собачьи морды и разноцветные воздушные змеи. Подростки раскачивались в машинах с открытым верхом, гогоча в предвкушении новых ощущений. Во американских фильмах героини занимаются любовью почему-то всегда в воде... Наверняка близость большой воды напоминала безумным тинейджерам именно эти актуальные для них кадры.

Скоро мы выехали к белоснежной отмели над океаном. Дети начали беситься и требовать остановки. Часы показывали половину седьмого. Будить семью Хованских я не решалась. Найдя их виллу, напоминающую поместье из романа «Унесенные ветром», и подивившись на широту русской природы, я осторожно въехала на усыпанную гравием парковку. Мы собирались тихо вылезти из машины и быстренько сбегать к океанским волнам...

— Наконец-то! А мы все ночь не спали! Мы думали, вы заблудились... заехали куда-то, пропали... погибли.. Почему ты не звонила?!

Семейство Хованских выбежало на помост перед домом с такой радостью, словно я была Санта-Клаусом, а мои дети — гномами с мешками подарков. Нас тотчас затащили в дом, с гордостью показали все комнаты. Мне определили спальню для гостей, а детям — детскую с двухэтажной кроватью. Хованские сняли этот дом на две недели вместе с мебелью, спортивным инвентарем и даже едой в холодильнике. На второй день они вдруг заскучали. Короче, наш приезд, по их словам, внес приятное разнообразие в монотонную курортную жизнь. Зная по своему опыту способность всех детей вообще и своих в частности портить жизнь взрослым, я твердо решила принимать все детские капризы и выходки на свою привыкшую к материнским терзаниям грудь, дабы наши госте-

приимные хозяева ни на минуту не пожалели о своем добросердечии. Но, к счастью, все сразу распределилось. Андрею предложил ловить рыбу Виталий, муж Ксении, Мишу взял под крыло сын Ксении Гоша. Мы же с ней обязались готовить еду. И никто уже не мешал нам болтать до изнеможения, делясь всем, чем могут делиться две московские барышни, оказавшись вместе на отдыхе: сплетнями, рецептами, воспоминаниями, советами, а также творческими планами. Спать ложились поздно, вставали кто когда хочет. Утром я уходила на океан мечтать и любоваться синью и тишью. Ближе к полудню появлялись томная Ксения в тунике и ее никогда не унывающий муж с шезлонгами и пляжным зонтиком. Он быстро расставлял все эти атрибуты пляжного благополучия, усаживал меня и жену. А сам шел с детьми собирать ракушки или ловить рыбу. Ксения с ужасом рассказывала мне свои сны: готовые серии для мыльных опер. Я толковала ее сны, авторитетно ссылаясь на опыт Фрейда, Юнга и прочих знатоков человеческого подсознания. Разговор от снов перетекал к жизненным ситуациям, рассуждением о добре и зле...

Дети плескались в воде, Ксенин муж время от времени отходил от них, чтобы подарить нам красивые раковины. Обедать мы шли в ресторан, платя по очереди (на этом настояла я). Вечером обжирались сладким — и я, и Ксения с удовольствием пекли пироги и торты. Еще мы любили смотреть старые американские фильмы по видео. И хотя Ксения раз в день обязательно жаловалась мне на своих домашних, я справедливо считала, что все эти жалобы исключительно профилактические. В моей личной жизни в ту пору был роман, насыщенный драматическими переживаниями. И как я важно толковала Ксенины сны, так же и она с удовольствием и знанием дела объясняла сложные повороты моей любовной истории. Да, это было чудесное время! Но всему, как говорится, приходит конец...

Наш отдых закончился неожиданно и экзотично. Через неделю по радио сообщили о надвигающемся торнадо. Мы с обычной русской безалаберностью отнеслись к этому сообщению, как отнеслись бы к любому сообщению о московской погоде. Но к вечеру задул ветер. Он сбил столик и стулья в саду, раскидал по двору наши купальники. Вода в океане посерела и стала холодной. Песок на пляже, ласково стелившийся под ноги, превратился в стаи острых ос, летящих в глаза, нос и рот. Ночью мы проснулись от грохота и воя. Электричества не было. Ксения зажгла свечу и предложила помолиться. Я выглянула в окно. Деревья клонились до земли. Луна была оранжевой и ненастоящей. От нее можно было ждать что угодно. Вплоть до высадки инопланетян. Под утро ветер затих, но электричество не появилось. Мы начали нервно собираться домой. Ксения с мужем отправилась в офис решать какие-то формальности с прерванным сроком отдыха. А я решила взглянуть на океан. Подойти к нему можно было, минуя небольшую улицу с белоснежными маленькими особнячками. Дальше стояли несколько роскошных домов-кораблей с балконами, висящими над пляжем. Эти дома стоили миллионы. Снять их для отдыха было не под силу даже всем сотрудникам российского посольства во главе с послом, если бы они вдруг решились скинуться и коллективно там поселиться. Но туда пускали поглазеть, как в музей. Хованский называл эти дома «музеями материальной культуры», я — «выставкой достижений пляжного хозяйства», а Ксения — «американской мечтой нового русского». Но до этих домов мечты я уже не дошла. На проходной улочке на меня обрушился дождь из брызг, летящих с океана. Подойдя к задворкам миллионных домов, я с ужасом обнаружила их отсутствие. Глухая стена тумана стояла передо мной, и тьма была впереди. Я напрягла зрение и увидела черно-коричневый горизонт, а волны величиной с высокие дома грозно надвигались на берег. Эти волны-дома с грохотом рассыпались по песку и грязной белой пеной устремлялись на берег, смывая все на своем пути. Вода била в окна пер-

вых этажей, наглухо задвинутых стальными ставнями. А мы-то думали, что эти ставни от воров! Мне показалось, что с каждой секундой волны становятся все выше и выше. В панике я побежала обратно. Моя спина мгновенно намочила и заледенела от ветра.

Быстро погрузив вещи на машины, наскоро простившись на всякий случай, мы сорвались с места, еще вчера бывшего нашим раем. Машина мчалась сквозь брызги и волны от глубоких луж. «Мама, посмотри назад!» — закричал Андрей. Я взглянула в боковое зеркальце и ничего не поняла. Зеркало было черным, как погасший монитор. Я повернула голову. Следом за машиной шла черная стена высотой до неба. Я нажала на газ и закричала: «Господи, сохрани и помилуй!» Господь внял моему воплю, и расстояние между машиной и стеной не сократилось. Дети затравленно молчали, радио онемело. Мы летели так, словно в багажнике заработал второй мотор. Наконец Андрей тихо произнес: «Оно ушло в сторону...» Я оглянулась: стена, ставшая облаком, сместилась куда-то влево. Впереди забрезжило жалкое подобие солнечного света. Включившееся радио сообщило, что торнадо не пошел на Виргинию и скрылся в океане на границе Южной и Северной Каролины. Мои пальцы, сжимавшие руль, свела судорога, разжать их я не сразу смогла. Солнечный свет несмело разгорался. Я заметила съезд и решила остановиться, а заодно и позавтракать. Про завтрак мы все начисто забыли.

Машина Хованских пролетела мимо нас. Испуганная Ксения помахала рукой. Судя по ее выражению лица, завтракать их семейство было еще не готово.

Дорога, на которую мы съехали, показалась мне знакомой. Даже кукуруза, местами пригнутая ураганом, что-то мне напоминала. Конечно же, это было то самое место, где мы ночевали по дороге на Южную Каролину. Но отельчик «Прекрасная Эмили» нам не попадался. А я -то надеялась перекусить там по старой памяти. И заодно узнать, чем закончилась вечеринка. Порулив туда-сюда вдоль кукурузных плантаций и разглядев только какую-то развалюху, я выехала на Мейн-стрит и остановилась возле маленькой закусочной под названием «Ранчо Гарри». Внутри было провинциально-уютно. Мы заказали сирил, то бишь кукурузные хлопья с молоком, блинчики, американский слабый кофе и яичницу с беконом. Когда полная и улыбчивая тетка лет под пятьдесят поставила нам на стол наш со страху заказанный обильный завтрак, окрещенный мною «Дети, сбежавшие от торнадо», я поинтересовалась, куда же делась «Прекрасная Эмили». Тетка чуть не выронила поднос, но собравшись, спросила, откуда я про это место знаю. Я ответила, что неделю назад я там ночевала и даже поплясала на свадьбе. Она посмотрела на меня задумчиво. Потом перевела взгляд на календарь, висевший над нашим столом.

— А было это не в ночь на 21 июня? — спросила она.

Я ответила, что не помню, но начала считать дни.

— Да, пожалуй... Совершенно точно, это было в ночь на 21 июня.

Официантка побледнела и молча отошла от нашего стола. Я пожалела, что не прочла ее имя на белом значке, приколотом к переднику.

— Ты не запомнил, как ее зовут? — обратилась я к Андрею, с наслаждением жуящему бекон.

— Запомнил: Энн, — ответил он. — Думаешь, она тебе что-то расскажет? Но я правда не помню, чтобы мы в каком-то отеле оставались... Мы в машине заснули. Тебе все приснилось.

— А почему она так испугалась?

Сын задумался.

— А может, тут убили кого-нибудь... В ночь на двадцать первое. Вот как нас сейчас арестуют по подозрению в убийстве! Поедем лучше отсюда поскорей.

Но я уже не могла успокоиться. Слова сына меня еще больше раззадорили. Я вылезла из-за столика и подошла к бару.

— Энн, — начала я заискивающе, — а что случилось там... ну, в этой «Прекрасной Эмили»?

Официантка тут же начала протирать чистые бокалы, глубокомысленно разглядывая их на свет. Молчание длилось минуты три. Наконец бармен не выдержал.

— Давно это было, — хмуро заметил он, — там уж все заросло...

— Как давно? Вы же сказали — 21 июня, — заметила я.

— Гарри, заткнись, — прошептала Энн и пошла в подсобку.

Гарри проводил ее взглядом.

— Это плохая история. Если ее рассказать, тогда наш городок просто объезжать станут. Его и сейчас не очень-то посещают. Или, наоборот, понаедут всякие. И наш бар придется закрыть из-за конкуренции.

— Я никому не скажу, — быстро ответила я, чувствуя прилив восторженного любопытства.

— Короче, было это летом 1946 года. У Тома была невеста. Она ждала его всю войну, а парня нет и нет. Потом пришло письмо, что он погиб. К девушке посватался его кузен, дело дошло до свадьбы. А отец невесты был хозяином отеля и ресторана «Прекрасная Эмили». Не знаю точно, почему его так назвали, может, в честь бабки ихней... Короче... Когда все уже перепились, вдруг подъезжает машина, и оттуда выходит Том, живой и невредимый... Только не совсем он был невредимый. Его на войне сильно контузило, и с головой у него что-то повредилось. Попал он в госпиталь после контузии без документов, потому и не нашли его. Решили, что погиб. А теперь он, значит, живой едет домой. По дороге узнает все новости — и напрямую в «Прекрасную Эмили». И видит там свою невесту в обнимку с братом. И тут у него что-то в голове замыкается, он достает револьвер и начинает стрелять. Сначала он убил невесту с женихом, потом остальных. А потом пулянул в бутылку с виски и зажигалку бросил, тут все и загорелось... А живых осталось... да почти никого, потому что пьяные все были. С тех пор там и нет ничего. Но говорят, в ночь на 21 июня в том месте свет горит и опять продолжается эта самая вечеринка...

— А почему же этот дом не сломают и не поставят церковь, что ли?

— Легко сказать — это таких денег стоит. Да кто нас слушать будет. Все старожилы разъехались. А чья земля — никто не знает.

В это время подошла Энн. По нашему умиротворенно-озабоченному виду она поняла, что все тайное стало явным.

— Все разболтал? Легче стало? — ехидно спросила она бармена. По ее тону я догадалась: если эта парочка не муж с женой, то любовники уж точно.

— Я ему давно говорила, — вдруг доверительно обратилась она ко мне, — давай в Голливуд напишем. Можно такое кино снять! Я даже представляю, как эти бандиты заходят и бах-бах-бах. Глядишь, и меня бы сняли в роли официантки. Вот и денежки бы и завелись у нас.

— Все ей денег мало, — сокрушенно заметил бармен. — Сколько же денег нужно бабе, чтобы она довольна была?

— Не в деньгах счастье, — рассеянно ответила я, хотя так не думала. — А при чем тут бандиты? Что-то я не поняла.

— Ну, как же! — загорячилась Энн, пропустив мимо ушей и замечание своего бойфренда, и мою неудачную сентенцию. — Томас-то из тюрьмы вернулся. А там он с разными всякими дружбу свел. Вот они и подговорили его приехать и разобраться.

— А можно эту историю еще раз сначала? Так сказать, со вторым составом исполнителей...

Энн бросила на бармена победоносный взгляд, окинула зал хозяйским взором и, убедившись в отсутствии претензий и новых посетителей, начала:

— Короче, дело было в тридцатые годы. Один парень, Томас, решил денег на свадьбу заработать... Ну и сдуру связался с бутлегерами. Тогда же сухой закон был. И, конечно, по неопытности, или там его подставили на новичка, загремел в тюрьму. Пока он сидел, его невеста спокойненько замутила с его сводным братом или, там, с каким-то родственником. Ему друзья тотчас отписали. И он, уже не помню, сбежал, или его досрочно выпустили, но он приезжает к ней, в аккурат на свадьбу. А там в камере он новых дружков завел, и они его, конечно, тоже подначили, потому что этим головорезам только пострелять дай. И вот заходят они в зал, достают из плащей стволы и пуляют по всей честной компании. Тара-тах-тах! Всех наповал, все горит. И тут только до этого психа доходит все содеянное. И он с горя стреляется. А его дружки-бандиты погибают в перестрелке с полицией. Вот такая была история в нашем городке. Почти вестсайдской, я вам скажу.

Бармен во время рассказа Энн демонстративно занялся приготовлением коктейля и протиркой стойки. Коктейль он выпил сам. А когда его тряпка дошла до локтя единственного сидящего за стойкой посетителя, бармен остановился и вопросительно взглянул на хмурого мужика с седыми усами и надвинутой на лоб ковбойской шляпой. Тот поднял голову. Потом медленно приподнял локоть, пропуская тряпку, и, оглядев нас, ударил кулаком по стойке.

— Все не так! — воскликнул он пьяным голосом. — Все ты врешь! Насмотрелась телевизора, вот и врешь людям. Да я знал этого Тома! Мы с ним чуть не сдохли в джунглях вьетнамских. Он с войны пришел... Было это в семьдесят первом году. А тут такое! Все гуляют, всем насрать на него. Да, была у него контузия, не спорю. Но он же по-хорошему хотел. Пришел поздравить. А они ему — пошел вон. Ну, нервы и сдали у парня. Одному в рыло, другому под дых... А потом этот пожар еще начался. Я приехал к нему в гости. А попал на похороны. Вот и остался у его матери. Помочь там... по хозяйству.

— Да, ты такой помощник! Она уж и сама была не рада. — Энн повернулась ко мне: — Вот полюбуйте! Приехал, женился на сестре своего друга, потом развелся. Она в другой штат уехала. А он у тещи жить остался. Чокнутый, ей-богу.

Они начали обсуждать семейные дела своего клиента, потом перешли на свои собственные. Оказалось, что Энн и бармен — бывшие муж и жена. И кажется, кто-то из них уже успел обзавестись второй семьей. Но общий бизнес они делить не стали, да и, судя по взаимным колкостям, чувство между ними тоже не остыло... Оставив все эти страсти на совести действующих лиц заведения, я быстро расплатилась, и мы покинули «Ранчо Гарри». История же «Прекрасной Эмили», перенасыщенная деталями, слегка поблекла, как блекнет книжная обложка от множества читательских рук и глаз.

Дорога подходила к концу. Но съехав с нее в очередной раз по зову *трех Пэ* младшего сына, мы обнаружили на стоянке перед «Кентаки Чиккенс» машину Хованских. Всех обуял восторг нечаянной встречи. С шумом и гиком ворвались мои ребята в придорожную корчму. В ответ нам раздались визг и ликование. Хованские все еще не могли прийти в себя от счастливого избавления из-под черного крыла ангела смерти, и им необходимо было с нами поделиться. В ответ на их долгий и бессвязный рассказ я, не удержавшись, поведала свою историю, развернувшуюся под сенью «Прекрасной Эмили». Если бы не события обратного пути, о нашей ночевке в примитивном отеле и рассказывать было бы нечего. Но загадочное исчезновение отеля и три разных версии трагедии придали нашему приключению мистический смысл.

— Представляешь! — закончила я свой рассказ.

— Представляю... — сдержанно ответила Ксения. Она задумалась. Я решила, что моя повесть натолкнула ее на мысль о моей невменяемости, и теперь Ксения мучительно

обдумывает, как бы красиво от меня отвязаться. Но я слишком долго жила за границей, вдыхая легендарный болотный туман американской прагматичности.

— Виталик! Дети! Поздравьте нас с Мариной! — торжественно воскликнула Ксения. — Наконец-то мы станем миллионерами! Я так и знала. Я знала, что рано или поздно это случится!

Все мы с изумлением теснее сгрудились вокруг Ксении.

— План такой! — деловито и торопливо начала она, — я срочно звоню в Москву моему бывшему мужу Алику. Он работает на телевидении, ну ты знаешь, Александр Каменский. Известный продюсер и режиссер. Он даже знаком со Спилбергом... А потом мы срочно покупаем этот участок земли... Затем ты пишешь сценарий и вообще всякую рекламную бла-бла-бла про это место. Можно открыть там музей с восковыми фигурами. Или восстановить отель. Да, это идея. Но параллельно с этим мы с Аликом снимаем триллер. Зарабатываем кучу денег. И все начинают жить в свое удовольствие. Как вам мой план?

— Грандиозно! — ответил Виталик с неувловимой, приличной дипломату иронией. — У меня вопрос, вернее, несколько. Где мы возьмем деньги на участок? Как наша кипучая деятельность будет совмещаться с моей ответственной работой в посольстве? И почему это должно заинтересовать твоего бывшего мужа, с которым ты семь лет в разводе и уже три года не общаешься?

— Все очень просто, — спокойно ответила Ксения, будто дело было решенное, — я продаю нашу дачу в Жуковке. Кстати покупатели уже есть, ждут не дождутся. А ты уходишь из своего дурацкого посольства, где тебе платят гроши, гоняют почем зря и ни во что не ставят. И делаешься наконец-то свободным и счастливым человеком. А Алику, как и всем нам, тоже нужны деньги. Тем более он мне должен алименты за три года. Вот и отдаст заодно. Есть еще вопросы?

— У меня нет денег для вступления в долю, — робко заметила я.

— Ты уже в доле! — заявила Ксения. — Во-первых, ты вложила информацию. А во-вторых, ты же будешь писать сценарий, забыла? Осталось только узнать, кому принадлежит эта земля. Ну, это мы поручим нашему великому и всемирно известному хакеру Гоше...

И Ксения с гордостью взглянула на своего худенького и задумчивого сына. Тот индифферентно ел салатик из маленькой плошечки и меньше всего был похож на всемирно известного хакера. Впрочем, какие должны быть знаменитые хакеры, я не знала. Может быть, именно такие: тихие, худые, скромные и безразличные к внешним шумам, исходящим от любого источника — будь то мама или полицейская сирена. Гоша поднял голову, оглядел всех усталым взглядом, сказал: «Ага, понял» — и потянулся за жареными крылышками. Я еще на отдыхе заметила: несмотря на почти концлагерную худобу, Гоша был необычайно прожорлив. Возможно, и его скромный вид мальчика из интеллигентной семьи был только маской, за которой скрывалась безжалостная акула пожирателя чужой компьютерной информации.

Спустя сутки Ксения позвонила мне и взволнованным голосом сообщила имя владельца заколдованного участка. Вернее, не само имя, а все сопутствующие ему обстоятельства. А именно: один мужик, богатый, бизнесмен, живет тут рядом, офис в Ди-си, на Пенсильвании, чем занят, не поймешь, зовут, ну, там в карточке написано, дурацкое имя... но очень известное...

— Кеннеди, что ли?

— Ага, Майкл Джексон. Ой, точно Майкл... а фамилия ирландская...

— О'Нил? — спросила я, не веря сама себе. «Боже мой, да точно ли мне все пришло? А может быть, была эта самая вечеринка?.. А потом все разъехались? А этот

Майкл просто ездит покутить на малую родину? Чтобы жена не догадалась... Тут с этим строго...»

Все эти мысли закрутились у меня в голове.

— Ты его знаешь? — догадалась Ксения

— Кажется, я его там видела... Ночью... Хотя фамилия очень распространенная. Но что дальше будем делать?

— А дальше Виталик организует нам к нему визит. А сам будет нашим переводчиком. Ты кому-нибудь еще обо всем этом рассказывала?

Под «кем-нибудь» Ксения имела в виду только одного человека. Моего возлюбленного. Но я ему ничего не сказала из-за ссоры, о причинах которой не хотела никому, даже Ксении, распространяться.

Вернувшись домой после нашего вояжа в Южную Каролину, я в тот же день ринулась к Николасу. О своем приезде я ему сообщила. На автоответчик. Сказала впустоту, что приехала и хочу его видеть. Правда, ответа не получила... Но до отъезда он мне сам сказал: приедешь и тотчас ко мне...

Неосмотрительно приехав, я, разумеется, застала его с дамой... Ничего непристойного в этой ситуации не было. Они мирно сидели за столом и беседовали... Но сам факт явно был не в мою пользу. Во-первых, Николас выключил телефон. Это был плохой знак. Раньше он выключал телефон, только когда я к нему приезжала. Понятно, почему моего сообщения он не услышал. Во-вторых, дама мне была знакома и несимпатична. Ходили слухи, что у них был когда-то роман. А в-третьих, отворив мне дверь, Николас как-то странно на меня посмотрел и, прямо скажем, был не очень рад моему преждевременному возвращению.

Даму я из дома выдавила. Но и сама там не осталась. Мы поссорились. Это была не первая наша ссора, но именно после нее я ощутила себя окончательно созревшей для разрыва... Ксенин безумный прожект очень кстати отвлек бы меня от тоски по несостоявшемуся личному счастью.

Спустя несколько дней нашу авантюрную троицу пригласили на встречу с господином О'Нилом.

Ровно в половине первого дня роскошная Ксения в бирюзовом костюмчике в стиле Коко Шанель, ее муж Виталий, элегантный, как Джеймс Бонд, ну и я, вся в деловом шелке цвета айвори, то бишь слоновой кости, стояли в мраморном вестибюле высотного дома, напичканного офисами, как улей пчелами.

В зеркальном лифте мы удовлетворенно оглядели друг друга.

— Будем стоять до последнего! — решительно объявила Ксения.

Виталий задумчиво кивнул. Не знаю, что это могло бы значить на их семейном языке. Мне *последнее* представлялось одним: когда пинками спускают с лестницы.

Ксения вдруг воодушевленным шепотом начала давать мужу наставления. А он хмуро отмахивался от ее слов с видом человека, прошедшего сквозь айсберги «холодной войны», предотвратившего третью мировую войну и организовавшего разрядку наперегонки с перестройкой. А тут, видите ли, появляется пионер Вася, просит сдать макулатуру и спрашивает: дядя, а вы кто, завхоз? Вот такое было у Виталия выражение лица, когда Ксения пыталась ему что-то втолковать.

В кабинете у господина О'Нила пахло хорошим кофе. И он был невероятно похож на моего ночного О'Нила, только трезвого и с застегнутой ширинкой под пиджаком отличного покроя. Он тут же уставился на меня, неохотно переводя глаза на остальных присутствующих.

Виталий представил меня известной писательницей, жену свою — известной художницей, а себя отрекомендовал скромным секретарем посольства, по совместительству

решившим помочь жене с переводом. И вообще — она тут главная. Как она хочет, так он и делает. А хочет она всего ничего — купить небольшой участок земли и писать там свои картины. А известная писательница будет приезжать к ней и писать свои романы. И будет такая творческая идиллия, культурный центр и начало большой дружбы между двумя великими державами...

Мне стало стыдно, и я опустила глаза. Ксения же, наоборот, смотрела безотрывно на мистера капиталиста с большой дороги и говорила «yes», «absolutely yes» и «absolutely terrific». Это были единственные известные ей английские слова, но произносила она их с безукоризненным гарвардским выговором. Создавалась полная иллюзия, что она великолепно знает язык, а молчит исключительно из-за снобизма. Когда приступ стыда прошел, я подняла глаза и опять столкнулась взглядом с мистером О'Нилом, пожирающим меня глазами. В тот момент он вел дипломатичный диалог с Виталиком.

— Но почему вы хотите купить именно эту землю? Можно найти и поближе по той же цене... Я вам продам прекрасный участок в Западной Виргинии. Там места еще красивее...

— Дело в том, что это место очень напоминает моей жене детство. Она часто гостила летом у бабушке на Украине.

— О, я знаю, где Украина. Но она немного на другом меридиане. Северная же Каролина на широте Африки. И это место почти... как Тунис... Мне так кажется... Хорошо, а не лучше ли вам приобрести прекрасный дом в Дакке на берегу океана? Если вы там отдыхали, то наверняка заметили три больших дома, похожих на корабли. Это мои дома, и я вам могу их продать, не только сделав скидку, но и в рассрочку с очень небольшими процентами...

Говоря это, он доверительно и ободряюще смотрел на меня, словно я его союзник и сейчас ему во всем подыграю. И как-то особенно улыбнулся мне, словно мы не просто давно знакомы, но и очень близко знакомы.

Это выглядело так откровенно и даже не совсем прилично. Я снова опустила глаза... Но до меня дошло и другое. Перед нами сидел владелец тех самых заоблачных по цене домов, о которых мы даже не смели мечтать. И я тут явственно увидела себя сидящей на террасе одного из этих домов, а мистер О'Нил несет мне на подносе только что сваренный кофе.

— А вы не желаете чашечку отличного кофе? Кофе, сваренного по-турецки, а не по-американски? — любезно предложил нам хозяин.

Предложение было принято. Мы застыли с чашечками в руках, готовясь ко второму раунду переговоров.

Через пару минут мистер О'Нил прервал дипломатическую паузу.

— Я буду откровенен с вами и расскажу правду, и только правду, почему я не хочу продавать эту землю. Расставаться с этой землей мне не хочется вовсе не из сентиментальных воспоминаний. А почему, вы сейчас узнаете. Так что комфортабельно распологайтесь, пейте кофе и слушайте. Итак... Земля эта принадлежала нашему семейству с незапамятных времен. Несколько раз, правда, мои предки продавали небольшие участки, но им снова все возвращали и даже денег назад не просили. Дело в том... что это проклятая земля!

И Майкл О'Нил обвел нас взглядом мрачным и победоносным одновременно. Мы молча уставились на него.

Я догадывалась, какие истории он собирается нам поведать. Но мне было интересно, какая именно версия принята в их семье за официальную. Чета Хованских смотрела на него холодно. Ксения прокручивала в голове возможные ответы и увещевания. А Виталий изобразил на лице почтение дипломата чичеринской школы, взирающего

на ритуальные пляски жителей маленькой, но очень нам дружественной африканской державы.

— Вы, конечно, слышали все эти истории про Томаса и решили сделать на этом деньги. Не спорьте, я хорошо знаю людей. Поверьте, я бы сам был не прочь погреть на этом руки. Но с проклятыми местами шутки плохи. А началось все это так.

Когда-то очень давно на этом месте было поселение индейского племени. Вождь племени был не только храбрый воин, но и колдун. Поэтому, наверное, его племя было непобедимо. А дочь вождя была прекрасна, как солнце. Ее так и звали — Солнечный Луч. Один очень достойный юноша, бесстрашный охотник по имени Летящая Стрела в Лунном Свете, полюбил дочь вождя. А она его. Дело шло к свадьбе. Но Летящая Стрела был не очень богатый. А ему хотелось окружить свою жену заботой и роскошью, и потому он попросил отложить свадьбу и отправился на большую охоту. Летящая Стрела знал, что белые люди купят у него красивый мех и дадут взамен много хороших вещей. И он принесет их своей невесте в подарок. Но пока он долго охотился и долго не появлялся, в племя приехали незнакомые белые люди. Они хотели купить у племенни землю и построить там дорогу. Вождь не хотел ссоры с белыми людьми, но боялся подвоха. Тогда он решил хитростью переманить их на свою сторону. Один из белых людей был самый молодой, но по оказываемому ему почтению вождь понял, этот юноша самый главный и богатый. Вождь приказал своей дочери выказать к белому юноше особое уважение. И юноша оказался сражен красотой Солнечного Луча. И тогда хитрый вождь предложил ему жениться на своей дочери и на правах зятя владеть всеми землями. Может быть, он даже и околдовал юношу, потому что тот сразу согласился. И все стали готовиться к свадьбе. А прекрасная дева Солнечный Луч влюбилась в нового жениха. Ведь ее бывший жених уже десять месяцев не показывался на дороге, ведущей от Большого леса. В те времена белые люди охотно женились на девушках из индейских племен. Дочерей вождей называли принцессами, и эти браки считались очень почетными. Было решено сыграть свадьбу в племени. А потом поехать в город и, окрестив там индейскую принцессу, обвенчаться у священника. Жених хотел дать ей имя Эмили в честь своей покойной матери. Девушке очень понравилось ее новое имя, и она приказала впредь называть себя только так. Но в самый разгар праздника появился отважный охотник Летящая Стрела в Лунном Свете. С ним были другие охотники — его друзья. Они везли богатые подарки и новое оружие, купленное у белых людей, — ружья. Летящая Стрела сошел с коня и спросил свою невесту: по доброй ли воле она выходит замуж за чужестранца? Но его бывшая невеста сразу отвернулась от него, не удостоив словом. А вождь попросил юношу уйти и не портить праздник, если он не хочет принимать в нем участие. Гордый охотник, вскочив в седло, отъехал, но потом вернулся и убил из нового ружья свою неверную невесту и ранил ее нового жениха. Началась страшная резня. Белые гости — друзья жениха схватились за оружие и уже не различали, кто здесь друг, а кто враг. Они даже подумали, что все это было подстроено. Все вигвамы сожгли, а всех людей перебили. Только один старый вождь остался жив. Он встал и проклял это место, а потом выпил яд и мгновенно умер. Белый жених прекрасной индейской принцессы тоже выжил. Он построил на этом месте красивый склеп и написал на нем: *«Здесь покоится Прекрасная Эмили, убитая в день своей свадьбы»*. Остальных участников этой драмы похоронили в земле вокруг склепа. Прошло много лет. Юноша долго грустил по Эмили, но все-таки спустя несколько лет женился на богатой вдове из Массачусетса. А эта земля переходила его потомкам по наследству. Со временем разрушился склеп, все забыли об умерших и страшном проклятии, помнили только имя «Прекрасная Эмили»... А на этом месте всегда случались несчастья. Но большинство людей не верят в проклятия и приметы. Особенно если дело идет о выгоде. И каждый раз новое убийство заставляло задумать-

ся хозяев этой земли: а зачем это мне надо? И провались пропадом эта выгода! Многие случаи стерлись из памяти... Помнят, что было в 1936 году, в 1946-м. Последнее событие случилось в 1971-м. А в 1972 году я получил наследство от деда и нашел запись самой древней из этих историй. И тогда я засеял эту землю кукурузой, но никогда не решаюсь собирать с нее урожай. Несчастья прекратились. Но говорят, в одну из ночей там что-то происходит. На днях я решил поехать туда. Поглядеть на старые постройки. Выехал я поздно, провозился до ночи и вдруг, что со мною никогда не бывало, заснул в машине возле развалившегося дома. И такое видел во сне!.. И разрази меня Создатель, я вас тоже видел тогда во сне!

И все обратились в мою сторону.

— Да, да, именно вас. Так вот почему мне так знакомо ваше лицо!

— Вашингтон — город маленький, — заметила я, — мне кажется, я вас тоже где-то видела.

— Знаете, мы подумаем с мужем. Виталий, переведи: мы подумаем и вам позвоним...

Ксения вдруг встала и торопливо начала прощаться. Обычно она вальяжно протягивала руку, завораживающе смотрела в глубину чужих глаз и неторопливо уходила, заставляя долго смотреть себе вслед. Сейчас же она явно и даже неприлично спешила. Эту странную торопливость я объяснили себе по-своему. Возможно, Ксению стал раздражать интерес господина О'Нила к моей персоне. Ведь женская ревность к мужскому вниманию, сидит в подкорке каждой из нас. Мы вышли в теплый воздух города, в упоительный вечерний аромат. Город был на стыке перехода из делового центра в водоворот прожигания жизни. На улицах Вашингтона стояли тишина и безлюдье, постепенно и незаметно набухающие шумом и толпой. Я всегда любила эти минуты и теперь с наслаждением втянула в себя многообещающий городской воздух, как лошадь по дорожке в стойло втягивает в себя запах приготовленного сена.

— Ты поняла, в чем дело? — обратилась ко мне Ксения, — Вы оба поняли, куда мы могли влипнуть?

— Я понял только одно. Он хочет заломить цену. Ксения, мы не потянем. Откажись от этой идеи, — устало проговорил Виталий.

— Да нет, не то... Какая цена... Это же проклятое место! И если мы его купим... Представляешь, приедет мой бывший муж и нас с тобой убьет. Вот что случится! Спасибо, мы не самоубийцы. Мы ничего покупать не будем! Но есть другая идея...

И Ксения выразительно посмотрела на меня. Я с готовностью взглянула на нее.

— Ты ему понравилась. Он все время к тебе клеился. Выходи за него замуж. И бери все в свои руки!

— Понятно... А я, значит, самоубийца. Тебе только показалось, что я ему понравилась.

— Показалось? Нет, есть неопровержимые улики!

Ксения эффектно извлекла из бокового кармана моей сумочки белую визитную карточку. Я с недоумением взяла ее в руки.

Это была карточка господина О'Нила. На обратной стороне было написано: «Не желаете ли вы поужинать со мной завтра? Жду вашего звонка».

Я покраснела и пожала плечами.

— Надо идти! — заявила Ксения

— Ты советуешь? Или это приказ?

— Решай сама, но... помнишь тот дом с террасой? Скоро ты нас будешь туда приглашать.

Я убрала карточку в укромный кармашек сумочки. Решать было нечего. Да и сам мистер Майкл мне тоже приглянулся. Вежливый, но настойчивый. Такие мне всегда нравились.

Все обратную дорогу Ксения жарко объясняла мне преимущества брака с американским миллионером. В какой-то момент Виталий обиделся и ехидно предложил мне попросить Майкла прийти в ресторан с другом для Ксении. Ксения быстро погасила тему, заметив, что миллионеры у нее были, но она почему-то предпочла им бедного дипломата. А вот я другое дело... У меня, как у Жаклин Кеннеди, много долгов да еще душераздирающий любовный роман, но почему-то без долгожданной свадьбы в конце... Короче, все это безобразие нужно кончать одним махом...

Все кончилось действительно одним махом, но по иной, непредвиденной схеме. Когда я собралась ехать на ужин, обнаружилось отсутствие бензина в баке моей машины. Через дорогу, вернее, через шоссе светилась желто-оранжевая раковина «Шелл». Я решила быстро перебежать на другую сторону и сошла с тротуара, сжимая в руках пластмассовую канистру. Больше я ничего не помнила. Очнувшись спустя несколько часов в госпитале, я с ужасом обнаружила себя на плоской холодной доске. В голове стоял шум, ног я не чувствовала, и первая мысль моя была о детях, а не о себе и тем более не об ужине. Но с детьми все обстояло благополучно. Их разобрали мои друзья. Меня ждала тяжелая операция, долгое выздоровление, неожиданный отъезд в Москву. Началась новая жизнь, почти с чистого листа, с нулевой отметки. Я второй раз вошла в бегущую реку новой русской жизни и поплыла, борясь с ее течением и отталкиваясь от плывущих навстречу обломков прошлого и преград настоящего.

...Вы спросите, что чаще всего вспоминается мне о той прежней американской жизни? Мне вспоминается ночная дорога на Южную Каролину...

Я помню чувство безграничной свободы и бесконечного счастья в уютном гнездышке машины. Ожидание встречи с океаном, южная ночь, запах летящего навстречу тепло ветра. И эта глупая самонадеянная уверенность, что только от меня зависит моя жизнь, жизнь моих детей и каждая новая встреча за каждым поворотом...

Память о тех счастливых мгновениях всегда утешает в минуты слабости и разочарования.

А вот Ксения Хованская сумела уговорить своего мужа бросить работу в посольстве и перейти на вольные хлеба журналиста. Дачу под Москвой они все-таки продали и купили дом под Вашингтоном. Что же стало с господином О'Нилом, никто из нас так и не удосужился узнать. На месте его офиса сейчас какая-то юридическая контора.

А его визитная карточка безвозвратно исчезла вместе с моей американской сумочкой.